

Г.Ф.Миллер и российская историческая наука

Портрет Герарда Фридриха Миллера работы Э.Козлова.

Герард Фридрих Миллер (1705–1783) – уроженец Вестфалии – одной из германских земель, получил степень бакалавра в Лейпцигском университете: при открытии Академии наук был приглашен в Россию и вскоре получил должность преподавателя латинского языка, истории и географии в академической гимназии.

С 1728 г. он наблюдал за изданием различных академических изданий, в частности, стал редактором «Санкт-Петербургских ведомостей». По его инициативе к газете стали прилагать пояснительные примечания – некое подобие будущих научно-популярных журналов. В примечаниях академики печатали свои статьи по тем или иным вопросам истории и географии.

В 1730 г. Миллер был назначен профессором, а через два года по его предложению начинает издаваться первый российский исторический журнал (на немецком, правда, языке) – «Собрание российских историй» («Sammlung russischer Geschichte»),

В 1733 Миллер вместе с академиком-натуралистом И.Г.Гмелиным отправился во Вторую Камчатскую экспедицию во главе с легендарным В.Берингом. 10 долгих лет провел он в суровой Сибири, не попав, правда, на Камчатку, но зато объездив всю Западную и Восточную Сибирь от Березова до Якутска и Нерчинска. Исследователь занимался разбором богатейших сибирских архивов, делая выписки и копируя многие документы. Одновременно он знакомился с географией и этническим составом населения, языками и фольклором. Отдельная тема – история и управление городов и уездов, для чего были составлены специальные анкеты. Несмотря на то что характер ответов на данные анкеты весьма варьировался в зависимости от прилежности местной администрации (от суперкоротких до пространных), был собран обширный и ценный материал. Весь огромный компендиум исторических материалов, собранных ученым, составил 30 томов – так называемых «портфелей Миллера». Они хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве и до сих пор еще должным образом не мобилизованы учеными-историками.

Десять лет напряженной работы способствовали

дальнейшему формированию Миллера как ученого, сделали из него крупного специалиста в области истории, географии, этнографии, генеалогии.

Вскоре после возвращения в Петербург Миллер представил предложение об учреждении при Академии Наук исторического департамента. По сути дела, это был план исторического изучения России, рассчитанный на много лет. К сожалению, пробить щиты российской бюрократии энергичному немцу было не по силам. Зато он получил поощрение в своей работе над историей Сибири.

«История Сибири» была написана Миллером на немецком языке. Первый том впервые вышел в свет на русском языке под названием «Описание Сибирского царства... Книга первая». Ряд глав в последующем был издан на русском и немецком языках. В полном объеме сочинение, включающее 23 главы, так и не увидело свет. Лишь в кратком изложении все её главы были опубликованы в 1768 г. на немецком языке, а в 1774 – в переводе на русский.

Еще до выхода в свет первого тома «Истории Сибири» в жизни Миллера произошли важные события. Ему поручили должность российского историографа и одновременно должность ректора университета. Таким образом, Миллер стал первым историографом в истории России и первым ректором Санкт-Петербургского университета.

В 1754 г. ученый получил место конференц-секретаря Академии, «не упуская при том и должности историографа». В качестве конференц-секретаря Миллер вел большую и ценную переписку с разными зарубежными научными светилами, в том числе обеспечил Вольтера материалами для истории Петра Великого.

Миллер разработал план издания еще одного научно-литературного журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», который издавался несколько лет. В 1758 г. он получил разрешение продолжать издание «собрания российских историй» и к 1765 г. издал десять томов.

Беззаветное служение музе Клио омрачалось и недопониманиями. В 1746 г. историк-любитель П.Н.Крекшин, кстати, приятель Миллера, подал на рассмотрение Сената генеалогическое исследование, в котором возводил род Романовых к Рюрику. Работа была передана в Академию наук на отзыв Миллеру. Историк составил собственное родословие, в котором доказывал происхождение Романовых от Захарьиных-Юрьевых.

По доносу Крекшина началось разбирательство Сенатом «дела Миллера». Академики тогда вступились за своего собрата, и «дело» было закрыто. Однако президент Академии граф К.Г.Разумовский издал указ, согласно которому Миллеру рекомендовалось «ни в какие родословные исследования» не вступать. Однако, как увидим, отбить у ученого желание заниматься генеалогией власть предрекающим было не под силу.

Но главные неприятности были впереди. В 1749 г. Миллеру было поручено составить речь для произнесения на торжественном заседании Академии 6 сентября – на другой день после тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны. Так получилось, что заседание было перенесено, а в Академии началось повторное (Миллер уже успел один раз зачитать свою речь и получить первую порцию замечаний 23 августа) обсуждение речи, которое продолжалось с 23 октября 1749 г. по 8 марта 1750 г. и заняло 29 заседаний Чрезвычайного собрания академиков. Один из главных противников Мил-

Доклад «Г.Ф.Миллер и российская историческая наука» читает профессор А.Ю.Дворниченко.

лера – Ломоносов – уже в 60-е гг. писал: «Сии собрания продолжались больше года. Каких же не было шумов, браней и почти драк!»

Дело закончилось решением об уничтожении диссертации. К счастью, Миллер значительную часть диссертации опубликовал и по-немецки, и по-русски.

В 1765 г. Миллер был переведен в Москву в качестве надзирателя Воспитательного дома. Цель у него была одна – быть ближе к богатейшим московским архивам, заодно отдалиться от беспокойной столичной жизни. Вскоре высочайшим указом ему было повелено находиться при Архиве Коллегии иностранных дел. Работу Миллера в архиве трудно переоценить. По сути дела, ученый стоит у истоков отечественного архивного дела. Здесь он был в своей стихии: «Устраивать архив, приводить его в порядок и сделать его полезным для политики и для истории – вот занятие совершенно сообразное с моими склонностями и познаниями», – говорил Миллер.

Работу в архиве он начал с изучения состояния дел. После сортировки ученый подвергал документы внимательной экспертизе, тщательно сохраняя то, что не было до конца уже уничтожено временем и ужасными условиями хранения. Затем он занялся систематизацией архивных источников. Далеко не всё в его системе могут принять современные специалисты. Но Миллер не только не принёс вреда архивным коллекциям, но и всячески способствовал их сохранению. Он убедил Екатерину выделить деньги на покупку нового здания. Его стараниями была создана и библиотека архива, в основу которой было положено его собственное книжное собрание. В результате РГА-ДА – наследник Архива Коллегии иностранных дел – об-

ладает о
собрании
высказыва
вые кадры
кий, кот

Вклад Миллера в изучение древностей был сугубо положительным, а прогресс за короткое 20-летие после петровских указов о собирании рабителей поистине колоссальным.

Тот же принцип точной документации Миллер распространял и на этнографические, фольклорные материалы. Он призывал к точной записи преданий, слышанных в полной мере тот же принцип был применен ученым и к письменным памятникам. Неустанный сбор материалов, использование специальных анкет привели к тому, что результаты экспедиции — Миллера 38 «портфель» — это неисчерпаемый по сей день кладезь сведений по истории и источниковедению Сибири.

Уже во время своих исследований в Сибири Миллер стал, в отличие от Татищева, не только выделять исторический источник из ткани своего повествования, но и подвергать его отдельному внимательному изучению. Так он составил подвешенную в наши дни генеалогическую таблицу сибирских летописей.

Несмотря на свой багаж знаний, Миллеру приходилось учиться прямо-таки на ходу, навыки и умения его работы с источниками возрастали, и теперь Миллер уже не делал таких досадных ошибок, как в начале своего творческого пути.

Достижения Миллера в изучении истории Сибири огромны. Это широкое полотно практической неведомой до той поры истории ее городов и селений, этапов освоения Сибири — только приобщение к российскому государству придавало существование сибирских народов новый смысл, и только в качестве российских подданных они они приобрели историческую значимость. При этом Миллер критиковал издержки государственной политики освоения Сибири. «Сибирская история заслуживает, что когда с покоряемыми или с покоренными уже народами ласково и кротко поступали, тогда они без труда ко всему охотными себя показывали, что от них требовано ни было».

Странно было бы обвинять Миллера в непонимании «классовой сущности» государственности. Но и в те годы признавался огромный вклад Миллера в изучение процесса освоения Сибири. Важно отметить, что Миллер, подобно Татищеву, заботился о практической отдаче исторической науки. Так, по договору с Коммерц-коллегией он составил ряд описаний торговли и промыслов в Северном Ледовитом и северной части Тихого океанов.

Сибирские исследования сделали Миллера одним из основателей исторической этнографии в России. Он

платит одним из ценнейших в нашей стране книжных собраний. Впервые в истории архивного дела Миллер высказывает мысль о его централизации. Он готовит перья кадры архивистов: Бантыш-Каменский, Малиновский, которые продолжили его дело.

Естественно, что знакомство с архивными материалами способствовало активной научной и публикаторской деятельности самого Миллера. Его серьезно не отягало даже участие в одном из важнейших внутриполитических мероприятий того времени — Уложенной комиссии, где он был депутатом от Академии наук.

С конца 60-х годов под его руководством в Архиве разворачивается большая работа по сбору историко-генеалогических материалов. Изучаются материалы не только Архива Коллегии иностранных дел, но и Разрядного и Посольского приказов. «Конечной целью принятой работы была новая родословная книга, идея которой была в то время очень популярна, но по сути впервые в русской историографии речь шла о воссоздании истории целого сословия» (А.Б.Каменский).

Весьма плодотворной была издательская деятельность Г.Ф.Миллера, которой он активно занимался и в Петербурге, и в Москве. Среди его публикаций такие важнейшие памятники, как «Судебник» Ивана Грозного с примечаниями В.Н.Татищева, разрядные записи XVII в., Степенная книга, три первые части «Истории Российской» В.Н.Татищева, «Ядро Российской истории» А.И.Маникова (ошибочно приписанное им князю А.Я.Хилкову), «Географический словарь Российского государства» Ф.Полунина, «Письма Петра Великого к генерал-фельдмаршалу графу Б.П.Шереметеву», «Описание земли Камчатки» С.П.Крашенинникова. Значительный материал Миллер предоставил Н.И.Новикову для его «Древней Российской Вивлиофики».

«Школы» архивного дела, которая так пригодились в Москве, Миллер проходил в Сибири, где детально обследовал свыше 20 архивов. По сути дела, собирание сведений о Сибири, с какой бы целью оно ни делалось — научной или практической, и было прежде всего сотрудничеством сибирских источников, что в свою очередь позволяло Миллеру кардинально расширить самое представление об источниках.

Важное место среди исторических источников он отводил археологическим материалам. Миллер не только сам проводил археологические раскопки, но и составил первую в отечественной науке инструкцию по проведению археологических исследований, namного опередившую свое время. Инструкцию составила из 100 пунктов. Миллер разрабатывал уже до 10 типов поребальных сооружений, требовал тщательного изучения и описания курганов. Он обращает внимание на разные категории памятников. Городища, писаницы, развалины, каменные орудия, глиняные сосуды.

В разгар работы над «Историей Сибири» ее автор получил назначение на должность ректора Университета. Вскоре он представил в Академию проект Устава «по примеру европейских университетов», который, однако, утвержден не был. Как ректор Минер составил ежегодные учебные планы Университета, о чем свидетельствуют сохранившиеся «Список лекций» на 1750 г., был подобранком наведения порядка в студенческой жизни, даже создан своего рода правая поведаия в студенческом общежитии, где, естественно, запрещались распитие «вина горячего», курение, игры на деньги, арак и т.п.

В 1750 г. преемником Минера на посту ректора стал его ученик Степан Петрович Крашенинников, сам же Минер посвятил себя истории.

не считал такие признаки, как сходство и единообразие обычаев, общность хозяйственных занятий и принадлежность к единой религии показателями родства народов, «Единственно безошибочный признак» общности происхождения народов Миллер видел в языке – «где языки сходны, там нет различия между народами, где языки различны, там нечего искать единоплеменных».

Миллер очень осторожен в своих этногенетических построениях. Он резонно считал, что «лучше будет, чтоб древние истории о народах, за неимением основательных доказательств, в прежней темноте оставить, нежели сообщать к ним ложное изъяснение». В наше время, когда многие пускаются во все тяжкие в поисках «корней» и «прародин», эти слова ученого «осмнадцатого» столетия звучат весьма злободневно.

Миллер изучал происхождение и расселение якутов, эвенков (тунгусов), вогулов, остяков и ряда других народов. При этом он пользовался, с одной стороны, данными языкознания, а с другой – описаниями быта и обычаев народов, их фольклором. Такой метод и вышеупомянутая осторожность позволили Миллеру создать такую этнографическую картину Сибири, которая в своих основах сохранена в отечественной науке.

Как уже отмечалось, «История Сибири» примечательна еще и тем, что впервые источник выведен из исторического повествования, нет смешения, как у Татищева, авторского текста и текста источника, есть ссылки на источник. «Сообщенные от господ баронов Строгановых грамоты и собранные из сибирских архивов письменные известия запотребно рассудилось прилагать в каждом месте под историю, где на оные я ссылался».

Автор не просто излагает материал, как «древние историки» – он отстаивает свою точку зрения, причем хочет, чтобы читатель видел прозрачность его доказательств, чтобы они убеждали читателя. Исследователь не собирается останавливаться лишь на выделении исторического источника. Он активно переходит к его интерпретации. И здесь значительную роль были призваны сыграть историческая география и генеалогия, об интересе Миллера к которой уже говорилось.

Историческая география находит должное место на страницах «Истории Сибири». Ярким произведением, отразившим интерес к этой области знания, является и «Описание городов Московской провинции». Как подметил современный исследователь А.Б.Каменский, сочинение Миллера – не литературное произведение, но научный труд, составленный по определенной программе. Программа эта сложилась еще в Сибири, а позднее была сформулирована в инструкции переводчику Академии наук Андриану Дубровскому, отправлявшемуся в 1759 г. в путешествие по России в качестве сопровождающего одного из племянников канцлера М.И.Воронцова.

Миллеру известен и другой вид мобилизации источников – их обзор. Такой обзор, правда, не разделяя еще источники и литературу вопроса, но зато деля их по происхождению: на русские и иностранные, ученый дает в своем «Опыте новейшей истории о России» (1761 г.)

Миллер – зачинатель одного из самых популярных научных жанров – статьи, посвященной той или иной теме. Это и неудивительно, ведь с Миллера во многом начинается отечественная журналистика.

К этому надо добавить, что в этих статьях ученый выс-

казал много интересных и точных мыслей в связи с российской историей и русскими историческими источниками. Были, правда, и ошибки. Иной раз, как показали современные исследователи, историк «осмнадцатого» столетия оказывался в зависимости от воззрений предшествующих времен. Так, он отнес возникновение древнерусских городов к V в. н.э., что было ближе к истине, чем начинать их историю еще до нашей эры, но менее убедительно, чем точка зрения Шлецера о возникновении города в VII-IX вв.

Миллер впервые стал изучать социально-политический строй древнего Новгорода; его работа о дворянах («Известия о дворянах») столь информативна и написана на таком научном уровне, что П.Н.Милюкова удивлял факт её появления в XVIII веке. Среди его научных интересов и история Смуты, и запорожские казаки, «языческие народы» Казанской губернии и многое другое, что еще требует внимательного и доброжелательного изучения.

Таково значение Миллера для историографии, истории исторической науки. В историографии Миллеру не повезло, в основном из-за той злополучной полемики с Ломоносовым. Я далек от того, чтобы отбросить «норманскую проблему», хотя её надуманность бросается в глаза. Важнее другое: норманнская проблема в том виде, в каком мы её знаем в XX веке, родилась не в стенах Академии наук во время споров Ломоносова и Миллера, а в коридорах власти и дипломатии времен «холодной войны». Именно последнее столетие и привело к очернению Миллера, его охаиванию.

Еще в работах 30-40-х гг. (С.В.Бахрушин, Н.Л.Рубинштейн, А.И.Андреев и др.) Миллеру давались более или менее объективные оценки. Лишь в ходе «борьбы с космополитизмом» и других кампаний эпохи апогея сталинизма Миллеру был нанесен страшный удар – на выдающегося ученого, подвижника исторической науки было наложено некое клеймо. Хотелось бы верить, что это всё в прошлом. Странно и смешно в современном учебнике по историографии читать такие строки: «И все же заслуги Миллера в изучении истории Сибири, в собирании и анализе исторических источников полностью перекрывают его норманистские заблуждения» (Историография истории России до 1917 года. Т.1. М., «Владос» 2003. с.123). Никаких «заблуждений» у Миллера не было, а была научная гипотеза, на которую каждый ученый имеет полное право.

А.Ю.ДВОРНИЧЕНКО, профессор, декан исторического факультета СПбГУ